

Стоило ему лишь шевельнуться, как яд тут же проник бы в его тело, и смерть наступила бы в мгновение ока.

Каким бы быстрым ни было его движение, на столь близком расстоянии увернуться было бы абсолютно невозможно.

Страх. Мо Сяобай впервые почувствовал страх, и этот страх проистекал вовсе не от самой опасности, а от того, что теперь ему предстояло в одиночку столкнуться с тем, чего он боялся больше всего.

Глава был неподалеку, и Мо Сяобай, помимо страха, невольно подумал: если он сейчас заорет во всю глотку, кто успеет быстрее — глава или ядовитая змея?

Он про себя усмехнулся: если и вправду завопить, то, пожалуй, когда глава вернется, ему останется лишь воочию наблюдать, как того сожрали!

В затянутом туманом лесу, закрывавшем небо, царила абсолютная тишина.

Человек и змея замерли на мгновение. Кожная складка на змеиной шее возбужденно раздулась, тело сжалось, словно натянутая тетива лука, и казалось, вот-вот последует смертельный удар.

Мо Сяобай стремительно перевернулся и отпрыгнул назад; уклоняясь головой от змеиной пасти, он одновременно ударил ногой вбок. В ту же секунду, когда его тело пришло в движение, змея молнией бросилась на него. Отяжелевшая туша рухнула Мо Сяобаю на грудь, она широко разинула пасть и попыталась впиться прямо в сонную артерию.

Мо Сяобай обеими руками в мертвой хватке вцепился в позвоночник сразу под змеиной головой, зафиксировав ее уязвимое место и временно лишив возможности двигаться.

Он изо всех сил сжимал и крутил змеиную голову. Змея обычного размера испустила бы дух уже давно, но это гигантское пресмыкающееся было толще его самого; нижняя половина чудовища тяжело обвилась вокруг его тела, змеиные кольца неумолимо затягивались на его ногах. Мо Сяобай отчаянно боролся, пуская в ход и руки, и ноги, но в груди всё равно защемило от нехватки воздуха — эта ядовитая змея весила не меньше нескольких сотен килограммов и давила так, что он не мог вздохнуть.

Ему казалось, что силы его на исходе. Зажатая змеиная голова медленно, дюйм за дюймом, опускалась ниже, а раздвоенный язык уже касался его лица, и отвратительный смрад ударил в нос.

Лицо Мо Сяобая побагровело от натуги. Стиснув зубы и собрав последние крупинцы сил, он выпрямил руки и изо всех сил оттолкнул змеиную голову подальше.

И человек, и змея уже добрались до предела своих возможностей, ведя отчаянную борьбу не на жизнь, а на смерть и пытаясь уничтожить друг друга.

Дыхание Мо Сяобая стало едва уловимым, в глазах темнело, и он чувствовал, что больше не продержится.

Пальцы на руках, сжимавших змеиную голову, побелели до боли в суставах, всё его тело забило в дрожжи.

Брат, почему ты до сих пор не возвращаешься за мной?

Я правда больше не могу.

Мо Яо полагал, что Сяобай догонит их совсем скоро, и намеренно бежал впереди чуть медленнее, поджидая его. Однако шло время, а сзади по-прежнему не было никаких звуков. В его сердце закралась капля тревоги. Он остановился и оглянулся: позади виднелся лишь мрачный, густой лес, и не было заметно даже намека на человеческую фигуру.

Сяобай только что говорил, что у него болит нога... Неужели у него и правда разболелась нога и он не мог идти?

Мо Яо прибавил шаг и побежал обратно. Вернувшись на прежнее место, он обнаружил, что Мо Сяобая там нет. За всю дорогу он не встретил и следа, куда же запропастился этот парень?

В сырых и холодных джунглях пробирал до костей леденящий мороз. Сердце Мо Яо бешено колотилось в груди, он растерянным взглядом окинул окрестности и вдруг услышал донесшийся из зарослей неподалеку слабый оклик.

Мо Яо со всех ног бросился туда и тут же побледнел: на Мо Сяобае лежала огромная ядовитая змея, обнажив жуткие клыки, а треугольная коричневая голова уже почти касалась шеи парня.

Испугавшись не на шутку, Мо Яо взметнулся вперед, словно сорвавшаяся с тетивы стрела, мертвой хваткой вцепился руками в уязвимое место на змеиной шее и стащил тварь с Мо Сяобая.

Почувствовав облегчение, Мо Сяобай оперся руками о землю, тяжело и судорожно задышал, а затем поднялся на ноги, чтобы помочь Мо Яо.

— Не подходи!

Глухо и сурово приказал Мо Яо. Наступив ногами на змеиное тело, он одной рукой прижал змеиную голову к земле, а другую сунул в ее разинутую кровавую пасть, ухватился за нижнюю

челюсть и изо всех сил дернул наружу. Сустав челюсти тут же с хрустом вылетел, по черной чешуе хлынула алая кровь, и темно-красная густая жижа испачкала руки Мо Яо.

Ядовитая змея взбесилась, ее хвост принялся яростно молотить по земле, поднимая вихри зловещего ветра. Мо Яо крепко зажал змеиное тело ногами, выхватил из-за пояса армейский нож и единым резким движением пронзил змеиную голову. Крутанув запястье, он полностью отсек гигантскую голову — его движения были жесткими, стремительными, безупречно точными и быстрыми.

Какой ужас!

Мо Сяобай едва не захлопал в ладоши. Как здорово! Глава просто невероятно крут!словно сошедшее с небес божество, он в одно мгновение прикончил эту проклятую гадину! Какая силища!

В то же время в его душе шевельнулось какое-то неопределенное чувство неполноценности. Каким бы ни было обстоятельство, глава всегда сильнее всех, всегда безупречен, а ему за ним никогда не угнаться.

Он вечно будет лишь прятаться за чужими спинами, наблюдая, как глава сражается на передовой, вечно оставаться тем, кого нужно защищать.

Ему никогда не суждено сражаться с главой плечом к плечу.

По сравнению с главой он слишком слаб, он недостойна стоять с ним наравне.

Это тягостное чувство ничтожности едва не заглушило только что испытанную радость.

Мо Яо подошел к нему и, заметив его унылый вид, решил, что тот просто испугался ядовитой змеи. Он протянул руку, похлопал его по плечу и мягко утешил:

— Ну всё, испугался до смерти из-за какой-то змеи?

Мо Сяобай опустил голову, надул губы и пробормотал:

— Ты же вроде со мной не разговаривал, чего вернулся-то, раз ушел?

В его голосе отчетливо слышался гнусавый оттенок.

Мо Яо повернулся, подхватил его рюкзак и закинул себе на плечо. Заметив, что тот всё еще стоит на месте, уткнувшись взглядом в землю, он нахмурился и произнес:

— Там змеи, ты так и будешь здесь торчать?

Мо Сяобай мгновенно сорвался с места, отряхнулся и поспешил за Мо Яо:

— Глава, у меня ноги ватные!

— Ни на что не годен!

Мо Яо слегка отодвинул рюкзак, и Мо Сяобай единым прыжком взгромоздился ему на спину, обвив шею руками и прижавшись к нему.

На душе Мо Сяобая сразу стало спокойно и надежно. Под ним чувствовалась широкая крепкая спина, и весь пережитый страх растворился в ощущении абсолютной безопасности, которое словно стерло недавние комплексы.

Его маленькая растрепанная макушка свесилась с плеча Мо Яо, руки обвивали длинную шею, а уголки губ Мо Сяобая изогнулись в довольной улыбке.

Таща на спине Мо Сяобая и закинув на обе руки два тяжелых пятидесяти килограммовых рюкзака, Мо Яо тем не менее бежал очень быстро. Вскоре они догнали Мо Чэня, который уже давно привык к бесстыдству Мо Сяобая. До ужина было еще далеко, когда все трое вернулись в лагерь.

Днем Мо Сяобай спал в казарме, пока Мо Яо сидел рядом с книгой.

Мо Чэня куда-то позвала Ши И. Вернувшись и увидев, что Мо Сяобай всё еще дрыхнет, он уже собирался ткнуть его пальцем, чтобы поднять, как вдруг перехватил холодный, полный недовольства взгляд поднявшего глаза от книги Мо Яо.

Мо Чэнь вздрогнул от неожиданности, поспешно одернул руку и про себя проворчал:

— Глава, я вообще-то твой брат! Стоит ли смотреть на меня так, будто я уже покойник?

Наступило время ужина, а Мо Сяобай всё еще спал. Мо Яо подошел к нему и легко похлопал по плечу:

— Сяобай, вставай ужинать!

Мо Сяобай уткнулся носом в подушку, завозился и сонно пробормотал:

— Принеси мне булочку!

Мо Яо развернулся и вышел. Мо Чэнь, стоявший позади, презрительно скривил губы: только Мо Сяобай и смеет отдавать приказы главе! А глава еще и слушает его с таким довольным видом! Безнадежное дело!

Когда они вернулись из столовой, Мо Сяобай уже проснулся. Мо Яо сунул ему в руки две паровые булочки, и Мо Чэнь, изогнув брови, поинтересовался:

— Мо Сяобай, ты сегодня вечером никуда не идешь?

Мо Сяобай покачал головой:

— Нет, блинчики кончились!

Мо Чэнь фыркнул со смеху:

— Мо Сяобай, ты что, таскался туда только ради блинчиков?

Мо Сяобай обиженно покосился на лежавшие на столе два блинчика:

— А то как же! Я столько сил потратил, чтобы их добыть, а глава даже есть не стал!

— Да каких ты там сил потратил? По-моему, ты прекрасно провел время!

Мо Сяобай недоверчиво уставился на Мо Чэня:

— Братец, с чего ты взял, что я прекрасно провел время?

Ничего не отвечая, Мо Чэнь надрвал упаковку блинчика и покачал головой:

— Эх, Сяобай, братец тебе вот что скажет: эти блинчики, конечно, вкусные, но это так, баловство на один раз. Настоящая твоя опора на всю жизнь — это паровые булочки!

Мо Сяобай непонимающе посмотрел на него.

— Братец, ты о чем вообще? Какие еще булочки и блинчики?

Он жалобными глазами проследил, как Мо Чэнь запихивает блинчик себе в рот, и виновато бросил взгляд на главу: эта вкуснятина предназначалась вообще-то для него, а в итоге ее за милую душу уплел братец!

Мо Сяобая захлестнула горькая обида. Своими длинными персиковыми глазами, полными влажного блеска, он укоризненно уставился на Мо Яо, обвиняя его в том, что тот растоптал его старания.

Разве мог Мо Яо выдержать такой взгляд? Его сердце тут же размякло донельзя, но этот блинчик он и впрямь не хотел есть — понятия не имел, где Сяобай вообще его раздобыл, но смутно догадывался, что это как-то связано с той девчонкой, которую Сяобай прижал к стене в ту ночь.

При воспоминании о том страстном поцелуе у Мо Яо снова защемило в груди. Он опустил голову, зарывшись лицом в книгу, и полностью проигнорировал безмолвные обвинения Мо Сяобая.

Мо Сяобай разозлился еще сильнее. Со вчерашнего вечера глава вел себя с ним холодно и отстраненно; правда, после возвращения из туманного леса стало немного лучше, но сейчас он снова отгородился! Прекрасно же видит, что он на него смотрит, но всё равно прикидывается слепым!

Мо Сяобай уже собирался надуться и высказать всё, как вдруг внизу кто-то громко позвал его по имени.

— Мо Еянь! А ну выходи!

— Мо Еянь!

Хотя голос принадлежал девушке, он был настолько звенящим и громким, что его услышал весь лагерь. Во всех окнах тут и там стали появляться любопытные лица.

Мо Чэнь с насмешкой посмотрел на Мо Сяобая:

— Ну что, Сяобай, чем же ты так насолил человеку, раз за тобой уже в казарму прибежали?

Мо Сяобай подошел к окну, выглянул наружу, нахмурился и стремглав бросился вниз.— Глава, может, и мы спустимся? Судя по настрою этой женщины, она собирается сожрать Сяобая заживо! — предложил Мо Чэнь, потирая руки. Ему уже не терпилось увидеть, как Мо Сяобая будут отчитывать.

Мо Яо слегка склонил голову набок, немного подумав, и последовал за Мо Чэнем вниз.

Внизу у общежития златокусая большеглазая женщина лет семнадцати-восемьдесят что-то говорила, вцепившись в руку Мо Сяобая. Медовая кожа слегка покраснела, отчего её обольстительное личико казалось еще более манящим. Женщина была примерно на полголовы ниже Мо Сяобая, её длинные ноги прижимались к его ногам, а сама она льнула к его груди,

изгибаясь всем телом и источая сплошное очарование.

Женщин в Тренировочном лагере и так было мало, а это всё-таки мужское общежитие. Внезапное появление такой соблазнительной красавицы заставило окна всех этажей заполниться зеваками, а больше десятка курсантов и вовсе выбежали на улицу, чтобы поближе полюбоваться этой редкой прелестницей.

Мо Яо нахмурился, холодно глядя на сплетённые тела двоих.

Мо Сяобай отстранил руку женщины: — Шанна, как ты здесь оказалась?

Женщина капризно протянула: — Еянь, почему ты сегодня вечером не пришёл ко мне? Мо Сяобай слегка отстранился в сторону и произвел:

— Шанна, мы же вчера договорились, это был последний поцелуй.

Женщина снова вильнула соблазнительной талией и придвинулась ближе:

— Янь, но вчера вечером ты целовал меня так страстно, я думала, ты придешь ко мне и сегодня.

От ее слащавого голоса у целой толпы курсантов кости буквально заныли от истомы.

Мо Чэнь тоже покрылся мурашками с головы до ног. Мо Сяобай поднял руку и нежно коснулся ее гладкой щеки: Тц-тц, кожа такая нежная на ощупь, но до кожицы старика ей явно далеко, совсем не такая водянистая!

Он приподнял бровь и с демонической ухмылкой произвел:

— Шанна, вчера вечером ты ела клубничный вафли, во рту остался такой притягательный вкус, что я не удержался и целовал тебя чуть страстнее, но...

— Пф-ф!

Не успел Мо Сяобай договорить, как позади раздался громкий смех. Обернувшись, он увидел, что глава и братец стоят прямо за его спиной. Братец зажал живот руками и хохотал без остановки. Мо Сяобай немного смутился, по какой-то странной причине не осмеливаясь взглянуть на главу, и потому автоматически проигнорировал его взгляд.

Встретясь он в этот момент глазами с Мо Яо, то сразу бы заметил в них океан нежности и беспомощности — тот самый взгляд, с которым глава смотрел только на него.

Единственную, неповторимую, всецело принадлежащую ему нежность. Мо Сяобай наклонился и легонько поцеловал девушку в щеку:

— Шанна, один маффин за один поцелуй. Твой маффин уже закончился, так что этот поцелуй в щеку я дарю тебе бесплатно — считай, это бонус!

Закончив говорить, он с лихим видом взмахнул обеими руками и вальяжной походкой направился в сторону общежития.

Девушка по имени Шанна бросилась вдогонку и преградила ему путь. Мо Сяобай приподнял бровь, недоумевая: она ведь не из тех навязчивых девчонок, что станут цепляться до последнего, почему же она побежала за ним, хотя всё уже было сказано?

Шанна подняла голову и жалобно посмотрела на него:

— Еянь, завтра я попрошу папу тайком передать мне еще несколько маффинов. Ты ведь любишь с клубничным вкусом? Я попрошу привезти клубничные, только не бросай меня, ладно?

Мо Сяобай с нарочитой горечью вздохнул, и вид у него при этом был куда более жалкий, чем у самой девушки:

— Забудь. Даже если ты их принесешь, их всё равно никто не станет есть, кое-кто этого совсем не ценит!

С этими словами он снова чмокнул ее в щеку и широким шагом вернулся в общежитие.

Его красивый и гордый силуэт удалялся без малейшего намека на сожаление. Шанна осталась стоять в полном одиночестве среди толпы курсантов-парней, с удрученным лицом, затуманенными слезами глазами и растерявшейся былой привлекательностью.

Вокруг раздались сочувственные вздохи: эх, этот Мо Еянь и впрямь не ведает, что творит, такую красавицу не умеет ценить! Подумать только, стоило этой женщине обернуться и одарить их чарующей улыбкой, как каждый из них был бы готов пройти сквозь огонь и воду, да хоть расстаться с собственной жизнью по первому требованию!

Мо Чэнь тоже покачал головой, на мгновение остолбенел и произнес:

— Мо Сяобаю ведь всего пятнадцать, всего пятнадцать! И он уже так мастерски кадрит девчонок?

Он вспомнил себя в пятнадцать лет — тогда он даже девичьей руки не держал, да что там, его

первый поцелуй до сих пор оставался нетронутым!

Все в их клане Мо были однолюбам: стоило им кого-то выбрать, и это на всю жизнь, они никогда не позволяли себе никаких вольностей в отношениях. Так с чего же Мо Сяобай оказался такой аномалией? В кого он только пошел?

В голове Мо Чэня царил небольшой беспорядок, и он повернулся к Мо Яо:

— Глава, а чем ты занимался в пятнадцать лет?

— ...

Не успел Мо Яо произнести ни слова, как Мо Чэнь снова заговорил сам с собой:

— Ладно, можешь не отвечать, я и так знаю: ты наверняка носился с этим маленьким негодяем Мо Сяобаем! Глава, судя по всему, тебе в этой жизни женщины и вовсе не светит познать! Хе-хе, как погляжу на тебя, так на душе сразу становится так спокойно и баланс восстанавливается! Мо Яо одарил его леденящим, подобным острию клинка взглядом. Мо Чэнь испуганно вздрогнул, мгновенно умолк и, опустив голову, поплелся следом за Мо Яо, смущенно размышляя про себя: неужели из-за того, что он так долго возился с Мо Сяобаем, он и сам превратился в идиота? Разве можно было произнести такое вслух? Разве можно?!

Даже если это была чистая правда, говорить об этом категорически запрещалось!

Мо Чэнь решил про себя, что впредь будет держаться от Мо Сяобая подальше. Идиотизм — это болезнь, и она заразна!

Когда они вернулись в казарму, Мо Сяобай отсутствующим взглядом смотрел на оставшийся на столе пакет с вафлями. Он никак не мог взять в толк: эти вафли были такими вкусными, почему же глава даже не притронулся к ним?

Войдя, Мо Яо решительно выхватил у него из рук пакет. Мо Сяобай обрадовался: неужели глава всё-таки соизволил перекусить?

Не успел он порадоваться и пары секунд, как Мо Яо передал вафли Мо Чэню. Тот тут же надорвал упаковку и запихнул последнюю вафлю целиком в рот.

Мо Сяобай сглотнул слюну. Вафли были такими сладкими и ароматными, хрустящими и нежными. Это оставалась последняя, которую он специально приберег для главы, сам даже не решился съесть — а в итоге её уплел этот братец!

Заметив его выражение лица законченного лакомки, Мо Яо холодно бросил:

— Больше не смей есть вафли!

— Это ещё почему? — взъерошился Мо Сяобай, вскочив со своего места.

Он обиженно посмотрел на него, выплевывая накопившееся за последние два дня недовольство:

— Они же ужасно вкусные! Я столько сил потратил, чтобы раздобыть их для тебя, хотел, чтобы ты отведаль, а ты даже не притронулся! Теперь мало того, что сам не ешь, так еще и мне запрещаешь? Где это видано?!

Видя, как тот закусил нижнюю губу и принялся на все лады причитать и жаловаться, Мо Яо невольно смягчил голос:

— Я буду сам покупать их тебе. Чужие вещи есть запрещено!

Глаза Мо Сяобая засияли. Ухватив Мо Яо за руку, он во все глаза уставился на него:

— Глава, ты правда будешь тайком проносить их для меня?

— Мм, — голос был до того мягким, что казалось, с него вот-вот скатятся капли.

Мо Сяобай подпрыгнул на месте, не в силах сдержать восторг, чмокнул Мо Яо в щеку и, радостно гикнув, бросился на кровать кувыркаться.

Мо Яо тронул себя за щеку, на мгновение замер, а уголки его губ тронула сладкая улыбка.

Мо Чэнь, только что расправившийся с вафлей, с недоумением наблюдал за этой сценой со стороны. Разве он съел не всего две вафли? Всего-то две несчастные вафли! Да и то лишь потому, что главе они были не нужны, вот очередь и дошла до него. С чего это вдруг прошло всего мгновение, а глава уже пообещал Мо Сяобаю потворствовать таким тайным делам?

Глава всегда был образцом принципиальности, во всем следовал правилам. Как вышло, что прошло совсем немного времени, а Мо Сяобай уже успел его испортить?

Мо Чэню стало обидно за порядки, и он крикнул лежащему на кровати Мо Сяобаю:

— Мо Сяобай, много ты сил потратил? Подумаешь, поцеловался с девчонкой! Да еще так страстно! С чего это тебе вдруг обижаться?

Мо Сяобай резком сел на постели:

— Братец, откуда ты знаешь? Ты видел?

— Вчера вечером ты потащился в четвертый квартал и прижал какую-то девчонку к стене! Мы с главой оба видели! И целовались вы так страстно, а сегодня ты её бросил и строишь из себя обиженного! Мо Сяобай, ну ты даешь! Почему бы тебе в актеры не податься?

Впервые в жизни Мо Сяобай не нашелся что ответить Мо Чэню. Он с недоумением посмотрел на Мо Яо.

Мо Яо кашлянул и с бесстрастным видом уставился на Мо Чэня. От этого взгляда Мо Чэня вновь пробрала дрожь. Как же сильно он теперь раскаивался! За сегодняшний день он сболтнул лишнего уже дважды: первый раз — будучи шокирован поступком Мо Сяобая, а второй — разозлив Мо Яо.

В его глазах глава был существом сродни божеству, незыблемо соблюдающим любые границы. Почему же ради Мо Сяобая он вдруг наплевал на всё? Неужели даже армейские правила больше не имеют для него значения?

И как назло, этот негодяй Мо Сяобай выглядел таким невинным и уверенным в своей правоте.

Оказавшись меж двух огней, Мо Чэнь чувствовал себя так, будто его разорвут на части.

Мо Сяобай ошеломленно смотрел на главу. Его лицо слегка посветлело, а в голове вдруг забрезжил луч догадки.

Глава... видел, как он целовался, поэтому и игнорировал его?

Только что познавший первые ростки любви Мо Сяобай в этот момент побелел как полотно. Его сузившиеся зрачки были прикованы к Мо Яо, не смея отвести взгляд.

Страх — безотчетный, первобытный страх — зметкой вился на самом дне его души, непрерывно источая ядовитые капли.

— Брат... братец?

Нет, не может быть, твердил себе Мо Сяобай. Всё точно не так, как он думает. Глава — его старший брат, как он мог...?!

Он жаждал услышать, как Мо Яо сам все опровергнет, скажет вслух, что он всё понял не так, что это глупая ошибка. Он был готов даже к тому, что глава станет ругать его, называть идиотом и глупцом — за то, что его вообще угораздило подумать в... *эту* сторону?!

Но слова застряли в горле, и Мо Сяобай, не в силах ничего спросить, мог лишь иступленно шептать его имя.

Все прежние проявления бесконечной нежности и вседозволенности внезапно окрасились совершенно иным, запретным цветом.

<http://bllate.org/book/22270/2331507>